
**СБОР ИНТЕРВЬЮ У УЧАСТНИКОВ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ
УЧЕНЫМИ-ИСТОРИКАМИ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В 1942–1943 гг.:
ЦЕЛИ, НАПРАВЛЕНИЯ, ИТОГИ, ЗНАЧЕНИЕ**

Д. А. Белов

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся анализа вклада историков Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР в сохранение памяти о Сталинградской битве через организацию интервьюирования участников и очевидцев сражения в 1942–1943 гг. Публикация посвящена итогам первой в отечественной историографии уникальной, методически последовательной, системной попытки сбора материалов устной истории на примере Сталинградской битвы.

Ключевые слова: устная история; интервьюирование; Сталинградская битва.

***COLLECTION OF INTERVIEWS FROM THE PARTICIPANTS OF THE
BATTLE OF STALINGRAD BY HISTORIANS OF THE COMMISSION
ON THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN 1942–1943:
GOALS, DIRECTIONS, RESULTS, MEANING***

Annotation: In this paper we shall present some issues concerning the contribution of the historians of the Academy of Sciences of the USSR Commission on the Great Patriotic War history for commemoration work of the battle of Stalingrad through the medium of the organization of interviewing of participants and witnesses of the battle in 1942–1944. The article is devoted to the first national historiography, unique, methodologically consistent, systematic, large-scale attempt to collect materials of oral history.

Keywords: oral history; interviewing; The Battle of Stalingrad.

В настоящее время отечественными и некоторыми зарубежными историками предпринимаются усилия осветить вопросы, связанные с существованием и итогами работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны, возглавляемой профессором Исааком Израилевичем Минцем. Автор данной статьи опирается на оригиналы интервью, собранные учеными-историками Комиссии среди участников и очевидцев Сталинградской битвы непосредственно во время и после сражения в 1942–1943 гг. и хранящиеся

в научном архиве Института российской истории Российской академии наук (ИА ИРИ РАН), а также на публикации коллег, получивших первые научные результаты в этой области.

Следует выделить некоторые значимые в советской историографии работы о деятельности Комиссии и анализе методики сбора интервью [5, с. 123–166; 2, с. 174–181]. Заметным событием в историографии стала изданная на нескольких языках монография профессора университета Ратгерса (США) Йохена Хелльбека, посвященная анализу интервью, собранных среди участников Сталинградской битвы [13]. Эта монография под названием «Сталинградские протоколы» была переиздана на немецком языке [1]. По мнению А. Борозняка, коллекция стенограмм И. И. Минца – «...не имеющее себе равных достижение oral history – устной истории, неограниченное поле для серьезных исследований», а монографическое исследование Й. Хелльбека является «...сознательным вызовом сохраняющейся и поныне в германской исторической памяти трактовке Сталинградской битвы – восприятию жертвенности немцев, но не их национальной ответственности за войну и военные преступления» [4, с. 63–64].

Коллективная монография сотрудников ИРИ РАН «Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне» посвящена истории учреждения Комиссии, первому опыту проведения бесед с участниками битвы за Москву, а также методике проведения опросов. Авторы попытались показать на примере единичных стенограмм их информационный потенциал, приводя интервью, имеющие отношение к восприятию участниками боевых действий событий войны, вызывающих в современной историографии неоднозначную оценку. В работе не анализируются события Сталинградской битвы, однако она представляет ценность с точки зрения изучения истории самой Комиссии и формирования методологических подходов ее представителями при проведении интервьюирования [4].

Чтобы обозначить вклад ученых-историков Комиссии по сбору интервью среди участников сражения под Сталинградом, автору данной статьи удалось выявить в разных фондах научного архива ИРИ РАН 236 интервью участников и очевидцев Сталинградской битвы, собранных в период с декабря 1942 г. по март 1945 г. Й. Хелльбек пишет об обнаруженных 215 стенограммах [11, с. 141]. Вполне возможно, что при продолжении научно-поисковой деятельности в других фондах Комиссии цифра стенограмм незначительно вырастет.

Среди опрошенных Комиссией выявлены интервью командармов, командиров дивизий, полков, батальонов, заместителей начальников штабов

всех уровней, Героев Советского Союза, представителей гражданского населения и руководства крупных предприятий. Учитывая продолжающуюся в историографии дискуссию относительно разных аспектов трагедии гражданского населения города, крайне ценными выглядят материалы опросов секретарей Сталинградского обкома, горкома и райкомов города.

Почти каждая стенограмма беседы содержит автобиографию опрашиваемого, сведения об уровне образования и рассказ о его участии в боевых действиях с интересными подробностями эмоционального восприятия событий, военного быта, анекдотические ситуации, осмысление роли и подвигов коммунистов, комсомольцев, агитаторов, Героев Советского Союза, затрагиваются случаи проявления как трусости, так и героизма в бою. Стенограммы несут ценную информацию об отношении интервьюируемых к предателям, военнопленным, гражданскому населению, разным формам проявления коллаборационизма, особенностям полевого быта и военного юмора, ошибкам командования, эвакуации гражданского населения и форм выживания в прифронтовой полосе – все эти аспекты крайне редко становились объектами исследования в отечественной историографии.

Сотрудник ИРИ РАН Д. Лотарева утверждает, что после войны к этим документам и материалам ученые «обращались, в основном, для наведения справок». Она выделяет три основные причины, по которым они не были введены в научный оборот. Определенную роль здесь сыграла кампания по борьбе с космополитизмом, а также, по ее мнению, «времена политизации и мифологизации истории войны, когда правдивый рассказ о реальных обстоятельствах событий... не отвечал целям советской идеологии». Третьей причиной является сложность работы с самими стенограммами, требующими всестороннего источниковедческого анализа [8, с. 129–130].

Сотрудники Комиссии были уверены, что после войны для послевоенной историографии собранный ими материал «блиндажной правды» будет иметь колоссальное значение и станет «летописью этой величественной эпопеи». Например, кандидат исторических наук П. И. Белецкий в беседе с участником обороны Царицына, народным ополченцем Сталинграда И. А. Бондаренко уговаривал его найти время и написать воспоминания, «ибо то, что с Вами было, имеет громадное значение для общества..., об этом будут знать миллионы людей» [3, с. 6].

К подобному крайне ответственно подошел историк, после войны ставший доктором исторических наук, майор П. А. Зайончковский из 66-й армии. Петр Андреевич поделился материалами допросов военнопленных, трофейными письмами, итогами анализа поведенческих реакций немецких

солдат и особенностей их эмоционального восприятия советских листовок. Например, он заметил, что «особое впечатление на них произвела следующая листовка: «Папа умер». На ней была изображена 4-летняя девочка. Она держит письмо, и лежит убитый немецкий солдат. Причем мне один военнопленный рассказывал, что его товарищ послал это письмо с оказией домой» [7, с. 3].

Будучи кандидатом исторических наук, П. А. Зайончковский часто читал лекции и в одной из них доказывал коллегам из политотдела армии важность изучения эмоциональных реакций немецких солдат для понимания эффективности советской пропаганды. Как старший инструктор политотдела армии он понимал важность изучения в практических целях настроения, веры в победу, дисциплины, отношения к офицерам – всех тех аспектов, которые он называл «моральным фактором», определяющим боеспособность противника. Не случайно как важное дополнение к интервью сотрудники Комиссии сохранили тезисы его лекции о методике проведения «политического опроса военнопленных» и 32 протокола допроса.

На всех фронтах Комиссия работала с установкой по сбору устного материала в первую очередь о «живом человеке», действуя согласно инструкциям проф. И. И. Минца, параллельно собирая официальные донесения и отчеты штабов. Сама методика интервьюирования сложилась, скорее всего, окончательно к концу 1942 г. [5, с. 159–160]. Интересно, что крайне мало сохранилось документов методического характера в архиве ИРИ РАН. Материалы (инструкции, опросники, методические пособия) по проведению интервью отложились в архиве г. Минска и пока не нашли должного отражения в научных публикациях, посвященных работе Комиссии, включая ее филиалы в Красноярске, Сталинграде, Севастополе и других городах. Это региональное направление исследования результатов и особенностей работы филиалов Комиссии представляется крайне перспективным и интересным.

Всего в Сталинград И. И. Минц командировал несколько групп ученых-историков. Сведения о них крайне фрагментарны и разрозненны, неизвестны сроки всех командировок и не все стенограммы интервью точно удается датировать. Тем не менее, можно утверждать, что прибывшей 30 декабря 1942 г. первой группе специалистов удалось собрать 10 интервью, за январь 1943 г. у второй группы на счету 24 интервью и уже после завершения сражения «по горячим следам» группе доктора исторических наук Э. Б. Генкиной удалось опросить 27 ценных свидетелей, многие из которых имели отношение к такому значимому историческому событию, как пленение фельдмаршала Фридриха Паулюса [10; 11].

Анализ дат и мест проведения интервью говорит о том, что первоначально ученые-историки, работающие в паре со стенографисткой, устанавливали контакт с высшим командованием фронтов и армий, а позднее по рекомендации заместителей по политической части или командиров дивизий, полков собирали интервью у отличившихся в бою. Пока значительная часть этих интервью не была подвергнута глубокому сравнительному анализу с послевоенными опубликованными воспоминаниями этих же участников пленения.

Крайне ценны интервью, собранные в марте 1943 г. среди представителей первых секретарей райкомов, горкома и некоторых секретарей Сталинградского обкома партии. Здесь ведущую роль сыграла группа П. И. Белецкого. К сожалению, по неизвестным причинам интервью с первым секретарем Сталинградского обкома ВКП(б) А. С. Чуяновым не было записано.

Тем ценнее итоги работы этой группы, поскольку собранные в 1943 г. интервью отражают мероприятия и эмоциональную реакцию гражданских властей на быстрое изменение военной обстановки, что спустя 20–30 лет будет подвергнуто серьезной редакторской правке. Например, Алексей Семенович Чуянов в 1966 г. представил для публикации свою версию видения обороны города на страницах «Сталинградского дневника» [15], но за два года его работы редактором Нижне-Волжского книжного издательства из первоначального текста будут убраны политически несвоевременные факты о прибывающих в Сталинград, вырвавшихся из окружения под Харьковом, «оборванных, голодных, а, главное, морально подавленных» бойцах и офицерах. Многие негативные оценочные суждения в адрес С. К. Тимошенко и В. Н. Гордова, ошибки верховного командования удалены, на полях остались замечания редактора: «Неужели была в такой обстановке армия?», «Разве можно говорить об этом сейчас?». С другой стороны, несколько предложений о «вере в успех» и «умелом управлении командования фронтом» редактор счел нужным добавить от имени автора [16, с. 60, 73, 85].

Последние дни апреля и весь май 1943 г. Комиссия сосредоточилась на фиксации вклада в победу под Сталинградом бойцов и командиров 308-й стрелковой дивизии. Можно только предполагать причины необычайно повышенного интереса Комиссии (24 стенограммы из 28) именно к этому воинскому подразделению. Такой объем работы по своим масштабам сравним только с интересом к участникам пленения Ф. Паулюса. На наш взгляд, единственным объяснением может быть популярность в прессе

дивизии, стойкость которой «на направлении главного удара» немецких войск в Сталинграде прославил на всю страну в своем очерке известный писатель Василий Гроссман [6]. Ученые Комиссии среди всех воинских подразделений 62-й армии обратили внимание именно на эту дивизию.

Известно, что задолго до начала работы представителей Комиссии над этим «направлением» инструктор политотдела 347-го стрелкового полка 308-й стрелковой дивизии М. Л. Ингор в феврале 1943 г. собрал и издал первый сборник очерков по истории боевого пути дивизии под названием «Сибиряки на защите Сталинграда» [12]. Наверное, в апреле 1943 г., будучи в Москве, он дал интервью проф. Э. Б. Генкиной и передал в архив Комиссии все черновики этого сборника, включая фотографии героев дивизии. Можно предположить, что «направление главного удара» представлялось Комиссии крайне интересным с точки зрения сбора интервью и увековечивания памяти его героев, но содержание черновиков и изданных о них материалов крайне разочаровывает, так как после глубокой литературной обработки последние потеряли научную ценность. По этой причине в мае 1943 г. ученые Комиссии застенографировали, согласно своей отработанной методике, воспоминания почти всех участников боев, упомянутых в этой брошюре. Помимо командира дивизии Л. Н. Гуртьева, который погибнет спустя три месяца, будут интервьюированы А. М. Свириин, А. С. Чамов, И. М. Брысин, Е. Е. Дудников, М. Ингор, В. П. Калинин, А. С. Смирнов, И. В. Максин [14].

Последний заметный вклад в фундамент будущей послевоенной историографии сражения внесла группа ученых Комиссии, специализирующаяся на сборе интервью по истории Волжской военной флотилии. Вклад экипажей канонерских лодок, бронекатеров, тральщиков представлен в 40 стенограммах. Важную роль в сборе интервью, журналов и отчетов о ходе боевых действий кораблей сыграли Н. Мазунин и В. А. Дивин. Судя по стенограммам, эти сведения собирались по всей Волге от Куйбышева до рейдов на южных окраинах Сталинграда. К сожалению, и этот пласт стенограмм после войны окажется не востребован. Например, Н. Мазунин в своей научной статье о вкладе флотилии в Сталинградской битве ни разу не упомянул свою работу в Комиссии и не использовал собранные им ценные материалы в качестве источников [9, с. 55–60].

Сбор последующих интервью носил случайный характер. Опросы производились в Москве в связи с командировкой или направлением на лечение очевидца либо участника сражения, часть интервью собиралась в дивизиях, воевавших в 1943–1944 гг. на территории Украины, отдельно опрашивались Герои Советского Союза.

Вклад сотрудников Комиссии по сбору эго-документов среди активных участников Сталинградской битвы огромен, а сам проект и его итоги можно считать уникальным опытом в историографии.

К сожалению, после войны собранная учеными-историками «блиндажная» сторона военной истории в историографии стала восприниматься как чрезмерно субъективная, не вписывающаяся в формирующуюся историческую парадигму при освещении событий коренного перелома в войне. Учитывая роль и влияние цензуры на формирование официальной послевоенной версии событий обороны Сталинграда, репрессивные меры по отношению к писателям и журналистам, непосредственно участвовавшим в сражении, можно согласиться с выводами Д. А. Лотаревой о причинах не востребоваемости этих интервью после войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hellbeck, J.* Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht / J. Hellbeck. – Frankfurt a. M. : S. Fischer Verlag, 2012. – 608 S.
2. *Архангородская, Н. С.* «Истории воинских частей» в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны / Н. С. Архангородская, А. А. Курносков // Археографический ежегодник за 1985 г. : сб. ст. / Археограф. комиссия АН СССР; редкол.: С. О. Шмидт (отв. ред.) [и др.]. – М., 1986. – С. 174–181.
3. *Бондаренко, И. А.* Стенограмма беседы с бывшим командиром 6-го Ворошиловского истребительного батальона Сталинградского корпуса народного ополчения (март 1943 г.) / И. А. Бондаренко // Научный архив Института российской истории Российской академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 2. Р. 1. Оп. 5. Д. 40.
4. *Борозняк, А.* Земля Сталинграда дышала огнем / А. Борозняк // Родина. – январь 2013. – № 1.
5. *Гуськов, Г. А.* Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А. Г. Гуськов [и др.] ; редкол.: С. В. Журавлев (отв. ред.) [и др.]. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 383 с.
6. *Гроссман, В.* Направление главного удара / В. Гроссман // Правда, 26 ноября 1942 г. – № 330 (9101).

7. *Зайончковский, П. А.* Стенограмма беседы с майором, инструктором 7-го отдела политотдела 66-й армии (28 мая 1943 г.) / П. А. Зайончковский // НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 5. Д. 54.
8. *Лотарева, Д. А.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и ее архив: реконструкция деятельности и методов работы / Д. А. Лотарева // Археографический ежегодник : сб. ст. / Ин-т славяноведения РАН ; редкол.: С. О. Шмидт (отв. ред.) [и др.]. – М., 2014.
9. *Мазунин, Н.* Волжская военная флотилия в боях за Сталинград / Н. Мазунин // Военно-исторический журнал. – 1972. – № 11.
10. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 5.
11. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 1. Оп. 14, 31, 33, 52, 55, 56, 60, 65, 71–72, 74–75, 79–80, 96, 103, 106, 117–119, 166, 236, 258, 262–263.
12. Сибиряки на защите Сталинграда. – Новосибирск : ОГИЗ, 1943. – 52 с.
13. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев : пер. с нем. К. Левинсона; редкол.: Й. Хелльбек (отв. ред.) [и др.]; послесл. И. Калинина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 672 с.
14. Стенограммы бесед, проведенных в 308-й стрелковой дивизии. – НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 3. Оп. 5, Д. 29 (на 172 л.).
15. *Чуянов А. С.* Сталинградский дневник / А. С. Чуянов. – Волгоград: Ниж.-Волжск. кн. изд-во, 1968. – 367 с.
16. *Чуянов, А. С.* Сталинградский дневник (оригинал, 1966 г.) / А. С. Чуянов // Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф-Р. 6281, Оп. 2, Д. 728.